

СЛЕДИМ ЗА СОБЫТИЕМ

Десять дней, которые потрясли Рим

Да, ровно столько — десять дней — понадобилось балету Большого театра, чтобы обжиться в Риме, пропитаться аурой его тысячелетней истории, ощутить легкими подошвами своих туфель упругость сценических конструкций, вознесшихся над каменными подземельями Колизея и поросших травой руинами еще более древнего, чем Колизей, цирка Массимо.

КОГДА замолкал вечный город, под Палатинским холмом начинала звучать музыка, и репетиции продолжались до двух-трех часов ночи. Ради одного-единственного спектакля, который был дан в минувшую пятницу и транслировался первым каналом национальной компании РАИ

на десятки стран мира.

Резонанс его в Риме был огромен.

Если вы его тоже видели на своих домашних экранах, то, наверно, ощутили необыкновенную атмосферу этого зрелища, когда исторический фон создавал живую движущуюся фреску. Семь фрагментов из балетов, поставленных Юрием Григоровичем, образовали единую композицию, где герои разных спектаклей предстали в самые кульминационные, конфликтные моменты своей судьбы. Так родился уникальный спектакль «Игра Героя», который организаторы гастролей замышляли как кульминацию культурной программы чемпионата мира по футболу. Трансляции было отдано лучшее «футбольное время» в первый свободный день чемпионата, и она прошла без сучка, без задоринки. Только где-то в конце в черном небе появились мигающие огни огромного авиалайнера, и, представшая, какая волшебная картина открылась его пассажирам: в багровых лучах дворец Флавиусов, жел-

тый овал Колизея, коричневые громады терм Каракаллы и ослепительный прямоугольник сцены, взятый в перекрестье лучей со специально сооруженных вышек.

Все это было похоже на сон, хорошо, что он записан телевидением и может повторяться и повторяться для многих. Было у кого спросить о первых впечатлениях, когда отгремели аплодисменты и между сценическим помостом и ажурной трибуной, которую начала покидать специально приглашенная публика, возникло настоящее столпотворение: вспыхивали блицы, миниатюрные софиты телекамер — кинозвезды и другие знаменитости давали интервью для газет и программы теленовостей.

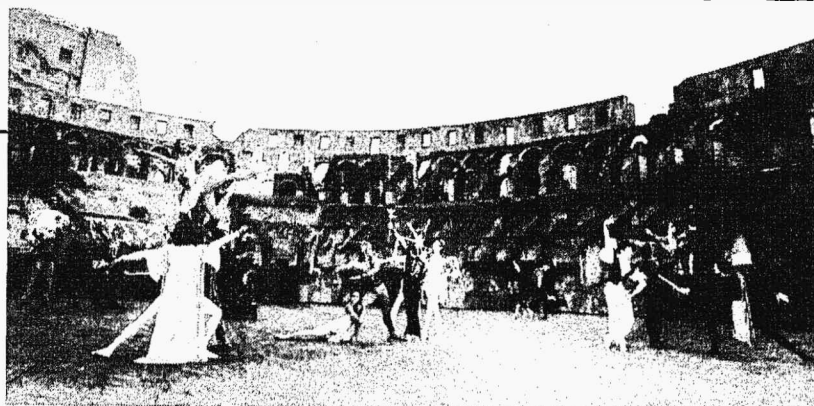
Я дождался своей очереди и спросил о впечатлениях у Монники Витти.

— Я потрясена тем, что увидела, — ответила суперзвезда. — Такой спектакль бывает раз в жизни. Я готова встать на колени перед изумительными артистами, покорившими в этот вечер Рим.

Витторио Гассман, открывший этот балетный вечер и соединявший своими монологами фрагменты балетов, один из первых мастеров театра и кино Италии, сказал мне после спектакля:

— Не знаю, нужна ли была проза моей речи между поэмами в танце, но я счастлив, что работал на одной сцене с Большим театром.

— Что вы чувствовали как актер? — спросил я его коллегу по ведению вечера Николая Губенко.

— Волнение, что я на одной сцене с Гассманом и Большим театром. И, знаете, немножечко страх.

— А как министр культуры?

— Гордость за то, что у нас есть такой театр. За то, как его принимают. За артистов, профессиональное и вдохновенное которых быть, по-моему, невозможно.

У Большого театра сегодня нелегкие времена. Со всех сторон в него летят камни, порой справедливые, хотя в искусстве это не лучший способ разрешения спора. Кто-то дома устраивает голодовки, кто-то, наоборот, хочет жить досыта за рубежом, подписывая контракты с другими труппами. Кто-то хочет немедленно все переменить, кто-то желает жить тихо, кто-то считает, что его положение ниже того, что он заслуживает. Проблем действительно много — без них театр не театр.

Но, не боясь снова быть зачисленным в апологеты Большого театра (не скрываю — люблю и ценю его искусство), хочу все же заметить: прежде чем призывать к чему-то новому, надо научиться ценить то, что есть. И один телевизионный вечер в Риме эти ценности, по-моему, выявил и укрупнил. Мощный репертуар (и еще далеко не весь), национальные истоки искусства, великолепное мастерство труппы.

А новое тоже, не сомневаюсь, придет. Только надо не призывать, а делать. У кого получится лучше, тот и будет определять грядущие пути. Явится ли он в лице признанного мэтра или дерзкого дебютанта.

Но это наши внутренние проблемы. В мире балет Большого остается Большим балетом. В мире вообще и в Риме в частности.

Ал. АВДЕЕНКО.

(Сам. экз. 23.1)